

И. Ф.
АННЕНСКИЙ

Избранное

Иннокентий Анненский

Трактир жизни

«Public Domain»

Анненский И. Ф.

Трактир жизни / И. Ф. Анненский — «Public Domain»,

Иннокентий Анненский – самый значительный, но и самый трогательный поэт на изломе XIX и XX веков. «Он шел одновременно по стольким дорогам! Он нес в себе столько нового, что все новаторы оказались ему сродни...» – сказала о нем Анна Ахматова. Тому, кто хочет по-настоящему почувствовать русский «серебрянный век», кто хочет пройти с «царем сумрачной долины» по дорогам и тропкам поэзии – от «трактира жизни» до восхождения над мирами, – предназначается эта книга.

Содержание

Трактир жизни	7
Автобиография	8
Тихие песни	9
Поэзия	9
«Девиз Таинственной похож...»	10
У гроба	11
Двойник	12
Который?	13
На пороге	14
Листы	15
В открытые окна	16
Идеал	17
Май	18
Июль	19
1	19
2	19
Август	20
1	20
2	20
Сентябрь	22
Ноябрь	23
Ветер	24
Ненужные строфы	25
В дороге	26
Среди нахлынувших воспоминаний	27
1	27
2	27
Конец осенней сказки	29
Из воспоминаний современников	29
Там[5]	30
?	31
Первый фортепьянный сонет	32
Еще один	33
С четырех сторон чаши	34
Villa Nazionale[6]	35
Опять в дороге	36
На воде	37
Конец осенней сказки	38
Утро	39
Ванька-ключник в тюрьме	40
Свечка гаснет	41
Декорация	42
Бессонницы	43
1	43
2	43
3	44

Лилии	45
1	45
2	45
3	46
С балкона	47
Молот и искры	48
Тоска возврата	49
Рождение и смерть поэта	50
Баян	50
Один голос	50
Хор	51
Другой голос	51
Мужской хор	51
Женский хор	51
Общий хор	52
«Мухи как мысли»	53
Под зеленым абажуром	54
Третий мучительный сонет	55
Второй фортепьянный сонет	56
Параллели	57
1	57
2	57
Тоска	58
Желание	59
Трилистники	60
Трилистник сумеречный	61
Сиреневая мгла	61
Тоска мимолетности	61
Свечку внесли	62
Трилистник соблазна	63
Маки	63
Смычок и струны	63
В марте	64
Трилистник sentimentalный	65
Одуванчики	65
Старая шарманка	66
Вербная неделя	66
Трилистник осенний	68
Ты опять со мной	68
Август	68
То было на валлен-коски	69
Трилистник лунный	70
Зимнее небо	70
Лунная ночь в исходе зимы	70
Траумереi[8]	71
Трилистник обреченности	72
Будильник	72
Стальная цикада	72
Черный силуэт	73

Трилистник огненный	75
Аметисты	75
Сизый закат	75
Январская сказка	75
Трилистник кошмарный	77
Кошмары	77
Киевские пещеры	78
То и это	78
Трилистник проклятия	79
Ямбы	79
Кулачишка	79
О нет, не стан	79
Из коллекции книжника	81
Трилистник победный	82
В волшебную призму	82
Трое	82
Пробуждение	82
Трилистник траурный	84
Перед панихидой	84
Баллада	84
Посылка	85
Светлый нимб	85
Трилистник тоски	86
Тоска отшумевшей грозы	86
Тоска припоминания	86
Тоска белого камня	87
Трилистник дождевой	88
Дождик	88
Октябрьский миф	88
Романс без музыки	89
Трилистник призрачный	90
Nox Vitae[9]	90
Квадратные окошки	90
Мучительный сонет	91
Трилистник ледяной	93
Ледяная тюрьма	93
Снег	93
Дочь Иaira	94
Трилистник вагонный	95
Тоска вокзала	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Иннокентий Федорович Анненский

Трактир жизни

Трактир жизни

Вкруг белеющей Психеи
Те же фикусы торчат,
Те же грустные лакеи,
Тот же гам и тот же чад...

Муть вина, нагие кости,
Пепел стынувших сигар,
На губах – отравы злости,
В сердце – скуки перегар...

Ночь давно снега одела,
Но уйти ты не спешишь;
Как в кошмаре, то и дело:
«Алкоголь или гашиш?»

А в сениях, поди, не жарко:
Там, поднявши воротник,
У плывущего огарка
Счеты сводит гробовщик.

Автобиография

Как большинство людей моего поколения, если они, как я, выросли в литературных и даже точнее – литературских традициях, я рано начал писать. Мой брат Н.Ф. Анненский и его жена А.Н. Анненская, которым я всецело обязан моим «интеллигентным» бытием, принадлежали к поколению 60-х годов. Но я все-таки писал только стихи, и так как в те годы (70-е) еще не знали слова «символист», то был мистиком в поэзии и бредил религиозным жанром Мурильо, который и старался «оформлять словами». Черт знает что! Мои приятели, теперь покойные лирики, Николай Кобылин и Анатолий Вигилянский (Вий), уже брали штурмом несколько редакций из тех, что поскромнее, и покойный Шеллер, вздыхая, капитулировал иногда перед их дранг'ом¹. Но я твердо держался глубоко запавших мне в душу слов моего брата Николая Федоровича: «До тридцати лет не надо печататься» – и довольствовался тем, что знакомые девицы переписывали мои стихи и даже (ну, как было тут не сделаться феминистом!) учили эту чепуху наизусть.

В университете – как отрезало со стихами. Я влюбился в филологию и ничего не писал, кроме диссертаций. Потом я стал учителем, но – увы! – до тридцати лет не дождался – стихонки опять прокинулись, – слава Богу, только они не были напечатаны. Зато соблазнил меня на научные рецензии покойный Леонид Николаевич Майков, который дал мне написанную попольски и только что тогда увидевшую свет грамматику Малецкого. Это и была моя первая печатная работа, напечатанная в журнале Министерства народного просвещения, а сколько именно лет тому назад, не помню.

С моим дебютом соединяется у меня два воспоминания: во-первых, Л. Н. Майков не изменил ни слова в моей статейке – добрая душа был покойный; во-вторых, ее отметил в «Archiv fer Slawische Philologie»² Ягич, тогда еще профессор нашего университета, теперь австрийский барон и академик. Статейка была хотя и невинная, но полемическая, а я – уж как это вышло, не помню – ее не подписал. И вот суровый славист отметил ее лишь двумя словами: «Warum anonym?»³

Упрек не прошел мимо. С тех пор ни одной полемической статьи я больше не написал, а анонимно напечатал за всю мою жизнь одну только, и то хвалебную заметку.

Иннокентий Анненский

¹ Натиск (нем.).

² «Архив славянской филологии» (нем.).

³ «Почему анонимно?» (нем.)

Тихие песни

*Из заветного фиала
В эти песни пролита,
Но увы! не красота...
Только мука идеала.
Никто⁴*

Поэзия

Над высью пламенной Синая
Любить туман Ее лучей,
Молиться Ей, Ее не зная,
Тем безнадежно горячей,

Но из лазури фимиама,
От лилий праздного венца,
Бежать... презрев гордыню храма
И славословие жреца,

Чтоб в океане мутных далей,
В безумном чаяньи святынь,
Искать следов Ее сандалий
Между заносами пустынь.

⁴ Псевдоним-анаграмма поэта (буквы из имени «Иннокентий»).

«Девиз Таинственной похож...»

Девиз Таинственной похож
На опрокинутое 8:
Она – отраднейшая ложь
Из всех, что мы в сознании носим.

В кругу эмалевых минут
Ее свершаются обеты,
А в сумрак звездами блеснут
Иль ветром полночи пропеты.

Но где светил погасших лик
Остановил для нас течение,
Там Бесконечность – только миг,
Дробимый молнией мученья.

У гроба

В квартире прибрано. Белеют зеркала.
Как конь попоною, одет рояль забытый:
На консультации вчера здесь Смерть была
И дверь после себя оставила открытой.
Давно с календаря не обрывались дни,
Но тикают еще часы его с комода,
А из угла глядит, свидетель агоний,
С рожком для синих губ подушка кислорода.
В недоумении открыл я мертвеца...
Сказать, что это я... весь этот ужас тела...
Иль Тайна бытия уж населить успела
Приют покинутый всем чуждого лица?

Двойник

Не я, и не он, и не ты,
И то же, что я, и не то же:
Так были мы где-то похожи,
Что наши смешались черты.

В сомненьи кипит еще спор,
Но, слиты незримой четою,
Одной мы живем и мечтою,
Мечтою разлуки с тех пор.

Горячешный сон волновал
Обманом вторых очертаний,
Но чем я глядел неустанней,
Тем ярче себя ж узнавал.

Лишь полога ночи немой
Порой отразит колыханье
Мое и другое дыханье,
Бой сердца и мой и не мой...

И в мутном круженье годин
Все чаще вопрос меня мучит:
Когда наконец нас разлучат,
Каким же я буду один?

Который?

Когда на бессонное ложе
Рассыплются бреда цветы,
Какая отвага, о Боже,
Какие победы мечты!..

Откинув докучную маску,
Не чувствуя уз бытия,
В какую волшебную сказку
Вольется свободное я!

Там все, что на сердце годами
Пугливо таил я от всех,
Рассыплется ярко звездами,
Прорвется, как дерзостный смех...

Там в дымных топазах запястий
Так тихо мне Ночь говорит;
Нездешней мучительной страсти
Огнем она черным горит...

Но я... безучастен пред нею
И нем, и недвижим лежу...
.....

На сердце ее я, бледнея,
За розовой раной слежу,

За розовой раной тумана,
И пьяный от призраков взор
Читает там дерзость обмана
И сдавшейся мысли позор.
.....

О царь Недоступного Света,
Отец моего бытия,
Открой же хоть сердцу поэта,
Которое создал ты, я.

На пороге
(Тринадцать строк)

Дыханье дав моим устам,
Она на факел свой дохнула,
И целый мир на Здесь и Там
В тот миг безумья разомкнула,
Ушла – и холодом пахнуло
По древожизненным листьям.

С тех пор Незримая, года
Мои сжигая без следа,
Желанье жить все ярче будит,
Но нас никто и никогда
Не примирит и не рассудит,
И верю: вновь за мной когда
Она придет – меня не будет.

Листы

На белом небе все тусклей
Златится горняя лампада,
И в доцветании аллей
Дрожат зигзаги листопада.

Кружатся нежные листы
И не хотят коснуться праха...
О, неужели это ты,
Все то же наше чувство страха?

Иль над обманом бытия
Творца веленье не звучало:
И нет конца, и нет начала
Тебе, тоскующее я?

В открытые окна

Бывает час в преддверьи сна,
Когда беседа умолкает,
Нас тянет сердца глубина,
А голос собственный пугает.

И в нарастающей тени –
Через отворенные окна,
Как жерла, светятся одни,
Свиваясь, рыжие волокна.

Не Скуки ль там Циклоп залег,
От золотого зноя хмелен,
Что, розовея, уголек
В закрытый глаз его нацелен?

Идеал

Тупые звуки вспышек газа
Над мертвой яркостью голов,
И скуки черная зараза
От покидаемых столов,

И там, среди зеленолицых,
Тоску привычки затая,
Решать на выцветших страницах
Постылый ребус бытия.

Май

Так нежно небо зацвело,
А майский день уж тихо тает,
И только тусклое стекло
Пожаром запада блистает.

К нему прильнув из полутьмы,
В минутном млеет позлащеньи
Тот мир, которым были мы...
Иль будем, в вечном превращеньи?

И разлучить не можешь глаз
Ты с пыльно-зыбкой позолотой,
Но в гамму вечера влилась
Она тоскующею нотой

Над миром, что, златым огнем,
Сейчас умрет, не понимая,
Что счастье искрилось не в нем,
А в золотом обмане мая,

Что безвозвратно синева,
Его златившая, поблекла...
Что только зарево едва
Коробит розовые стекла.

Июль *Сонет*

1

Когда весь день свои костры
Июль палит над рожью спелой,
Не свежий лес с своей капеллой
Нас тешат: демонской игры

За тучей разом потемнелой
Раскатно-гулкие шары;
И то оранжевый, то белый
Лишь миг живущие миры;

И цвета старого червонца
Пары сгоняющее солнце
С небес омыто-голубых.

И для ожившего дыханья
Возможность пить благоуханья
Из чаши ливней золотых.

2

Палимая огнем недвижимого светила,
Проклятый свой урок отлязгала кирьга
И спящих грабаров с землею склотила,
Как ливень черные осенние стога.

Каких-то диких сил последнее решение,
Луча отвесного неслышный людям зов,
И абрис ног худых меж чадного смешенья
Всклокоченных бород и рваных картузов.

Не страшно ль иногда становится на свете?
Не хочется ль бежать, укрыться поскорей?
Подумай: на руках у матерей
Все это были розовые дети.
1900

Август

1

Хризантема

Облака плывут так низко,
Но в тумане все нежней
Пламя пурпурного диска
Без лучей и без теней.

Тихо траурные кони
Поднимают яркий гнет,
Что-то чуткое в короне
То померкнет, то блеснет...

...Это было поздним летом
Меж раkit и на песке,
Перед бледно-желтым цветом
В увядающем венке,

И казалось мне, что нежной
Хризантема головой
Припадает безнадежно
К яркой крышке гробовой...

И что два ее свитые
Лепестка на сходнях дрозг –
Это кольца золотые

Ею сброшенных серег.

2

Электрический свет в аллее

О, не зови меня, не мучь!
Скользя бесцельно, утомленно,
Зачем у ночи вырвал луч,
Засыпав блеском, ветку клена?

Ее пьянит зеленый чад,
И дум ей жаль разоблаченных,
И слезы осени дрожат
В ее листьях раззолоченных, –

А свод так сладостно дремуч,

Так миротворно слиты звенья...
И сна, и мрака, и забвенья...
О, не зови меня, не мучь!

Сентябрь

Раззолоченные, но чахлые сады
С соблазном пурпура на медленных недугах,
И солнца поздний пыл в его коротких дугах,
Невластный вылиться в душистые плоды.

И желтый шелк ковров, и грубые следы,
И понятая ложь последнего свиданья,
И парков черные, бездонные пруды,
Давно готовые для спелого страданья...

Но сердцу чудится лишь красота утрат,
Лишь упоение в замороженной силе;
И тех, которые уж лотоса вкусили,
Волнует вкрадчивый осенний аромат.

Ноябрь

Сонет

Как тускло пурпурное пламя,
Как мертвы желтые утра!
Как сеть ветвей в оконной раме
Все та ж сегодня, что вчера...

Одна утеха, что местами
Налет белил и серебра
Мягчит пушистыми чертами
Работу тонкую пера...

В тумане солнце, как в неволе...
Скорей бы сани, сумрак, поле,
Следить круженье облаков, —

Да, упиваясь медным свистом,
В безбрежной зыбкости снегов
Скользить по линиям волнистым...

Ветер

Люблю его, когда сердит,
Он поле ржи задернет флёром
Иль нежным летом бороздит
Волну по розовым озерам;

Когда грозит он кораблю
И паруса свивает в жгуты;
И шум зеленый я люблю,
И облаков люблю лоскутья...

Но мне милей в глуши садов
Тот ветер теплый и игривый,
Что хлещет жгучею крапивой
По шапкам розовым дедов.

Ненужные строфы

Сонет

Нет, не жемчужины, рожденные страданьем,
Из жерла черного металла глубина:
Тем до рожденья их отверженным созданиям
Мне одному, увы! известна лишь цена...

Как чахлая листва пестрима увяданьем
И безнадежностью небес позлащена,
Они полны еще неясным ожиданьем,
Но погребальная свеча уж зажжена.

Без лиц и без речей разыгранная драма:
Огонь под розами мучительно храним,
И светозарный Бог из черной ниши храма...

Он улыбается, он руки тянет к ним,
И дети бледные Сомненья и Тревоги
Идут к нему приять пурпуровые тоги.

В дороге

Перестал холодный дождь,
Сизый пар по небу вьется,
Но на пятна нив и рош
Точно блеск молочный льется.

В этом чаяньи утра
И предчувствии мороза,
Как у черного костра,
Мертвы линии обоза!

Жеребячий дробный бег,
Пробы первых свистов птичьих,
И кошмары снов мужичьих
Под рогожами телег.

Тошно сердцу моему
От одних намеков шума:
Все бы молча в полутьму
Уводила думу дума.

Не сошла и тень с земли,
Уж в дыму овины тонут,
И с бадьями журавли,
Выпрямяясь, тихо стонут.

Дед идет с сумой и бос,
Нищета заводит повесть:
О, мучительный вопрос!
Наша совесть... Наша совесть...

Среди нахлынувших воспоминаний

1

Перед закатом

Гаснет небо голубое,
На губах застыло слово,
Каждым нервом жду отбоя
Тихой музыки бывшего.

Но помедли, день, врачуя
Это сердце от разлада!
Все глазами взять хочу я
Из темнеющего сада...

Щетку желтую газона,
На гряде цветок забытый,
Разоренного балкона
Остов, зеленью увитый.

Топора обиды злые,
Всё, чего уже не стало...
Чтобы сердце, сны бывшие
Узнавая, трепетало...

2

Под новой крышей

Сквозь листву просвет оконный
Синью жгучею залит,
И тихонько ветер сонный
Волоса мне шевелит...

Не доделан новый кокон,
Точно трудные стихи:
Ни дверей, ни даже окон
Нет у пасынка стихий,

Но зато по клетям сруба,
В темной зелени садов
Сапожищи жизни грубо
Не оставили следов,

И жилец докучным шумом

Мшистых стен не осквернил:
Хорошо здесь тихим думам
Литься в капельки чернил.
.....

Схоронили пепелище
Лунной ночью в забытье...
Здравствуй, правнуков жилище, –
И мое, и не мое!

Конец осенней сказки

Из воспоминаний современников

В 1906 году...пятиклассником, я был уволен из казенной гимназии за «политическую неблагонадежность» с волчьим паспортом, то есть без права поступления в другое казенное среднее учебное заведение. Пройдя последние классы в «вольной» частной гимназии Столбцова, я вынужден был держать выпускные экзамены, в 1908 году, при учебном округе, иначе говоря, в присутствии попечителя учебного округа. Этот пост в Петербурге занимал тогда поэт Иннокентий Анненский. Он терпеливо присутствовал при всех испытаниях по всем предметам (нас было больше сорока учеников). За мои ответы по теоретической арифметике, которую я как-то не заметил в течение учебного года, экзаменаторы присудили мне единицу, что делало невозможным получение аттестата зрелости и переход в высшее учебное заведение, то есть для меня – в Петербургский университет, куда я так стремился, что еще до экзаменов уже приобрел серую студенческую тужурку и, конечно, фуражку.

Но через день подоспел экзамен по латинскому языку. Я увлекался латынью и даже перевел для себя в стихах несколько отрывков из Горация, Овидия, Вергилия. В этом возрасте все пишут стихи. И вот случилось невероятное: на мою долю выпал на экзамене разбор овидиевского «Орфея», принадлежавшего именно к числу этих отрывков. Я читал латинский текст почти наизусть...

Когда я прочитал последние строки:

«Если ж судьба не вернет ее к жизни, останусь я с нею!
Нет мне отсюда возврата. Так радуйтесь смерти Орфея!» –

экзаменатор недоуменно посмотрел на попечителя учебного округа. Анненский, улыбувшись впервые за дни экзаменов, произнес, посмотрев на меня:

– Перевод, молодой человек, страдает неточностью: у Овидия, как вы знаете, рифм нет...

Затем, обернувшись к сидевшему рядом с ним директору гимназии, он спросил вполголоса, не тот ли я ученик, который получил единицу по теоретической арифметике? Директор утвердительно кивнул головой.

На другой день директор вызвал меня в свой кабинет.

– Начальник учебного округа, – сказал он, – переделал вчера вашу арифметическую единицу на тройку с минусом, заявив, что математика вам, по-видимому, в жизни не пригодится. Аттестат зрелости вам обеспечен.

Двери университета, о котором я так мечтал, раскрылись передо мной. Но я не догадался даже послать Анненскому благодарственное письмо. На следующий год Анненский умер.

Юрий Анненков

Там⁵

Ровно в полночь гонг унылый
Свел их тени в черной зале,
Где белел Эрот бескрылый
Меж искусственных азалий.

Там, качаяся, лампы
Пламя трепетное лили,
Душным ладаном услады
Там кадили чаши лилий.

Тварь единая живая
Там тянула к брашну жало,
Там отравы огневая
В кубки медные бежала.

На оскала смех застылый
Тени ночи напознали,
Бесконечный и унылый
Длился ужин в черной зале.

⁵ Продолжение цикла «Тихие песни».

?

Пусть для ваших открытых сердец
До сих пор это – светлая фея
С упоительной лирой Орфея,
Для меня это – старый мудрец.

По лицу его тяжко проходит
Бороздой Вековая Мечта,
И для мира немые уста
Только бледной улыбкой поводит.

Первый фортепьянный сонет

Есть книга чудная, где с каждою страницей
Галлюцинации таинственно свиты:
Там полон старый сад луной и небылицей,
Там клен бумажные заворожил листы,

Там в очертаниях тревожной пустоты,
Упившись чарами луны зеленолицей,
Менады белою мятутся вереницей,
И десять реет их по клавишам мечты.

Но, изумрудами запястий залитая,
Меня волнует дев мучительная стая:
Кристалльно чистые так бешено горды.

И я порвать хочу серебряные звенья...
Но нет разлуки нам, ни мира, ни забвенья,
И режут сердце мне их узкие следы...

Еще один

И пылок был, и грозен День,
И в знамя верил голубое,
Но ночь пришла, и нежно тень
Берет усталого без боя.

Как мало их! Еще один
В лучах слабеющей Надежды
Уходит гордый паладин:
От золотой его одежды

Осталась бурая кайма
Да горький чад... воспоминанья
.....
Как обгорелого письма
Неповторимое признание.
1903

С четырех сторон чаши

Нежным баловнем мамаши
То большиться, то шалить...
И рассеянно из чаши
Пену пить, а влагу лить...

Сил и дней гордясь избытком,
Мимоходом, на лету
Хмельно-розовым напитком
Усыплять свою мечту.

Увидав, что невозможно
Ни вернуться, ни забыть...
Пить поспешно, пить тревожно,
Рядом с сыном, может быть,

Под наплывом лет согнуться,
Но, забыв и вкус вина...
По привычке все тянуться
К чаше, выпитой до дна.

Villa Nazionale⁶

Смычка заслушавшись, тоскливо
Волна горит, а луч померк, –
И в тени душные залива
Вот-вот ворвется фейерверк.

Но в мутном чаяньи испуга,
В истоме прерванного сна,
Не угадать Царице юга
Тот миг шальной, когда она

Развяжет, разоймет, расщиплет
Золотоцветный свой букет,
И звезды робкие рассыплет
Огнями дерзкими ракет.

⁶ Парк в Неаполе (ит.).

Опять в дороге

Когда высоко под дугою
Звенело солнце для меня,
Я жил унылою мечтою,
Минуты светлые гоня...

Они пугливо отлетали,
Но вот прибился мой звонок:
И где же вы, златые дали?
В тумане – юг, погас восток...

А там стена, к закату ближе,
Такая страшная на взгляд...
Она всё выше... Мы всё ниже...
«Постой-ка, дядя!» – «Не велят».

На воде

То луга ли, скажи, облака ли, вода ль
Околдована желтой луною;
Серебристая гладь, серебристая даль
Надо мной, предо мною, за мною...
Ни о чем не жалеть... Ничего не желать...
Только б маска колдуньи светилась
Да клубком ее сказка катилась
В серебристую даль, на серебристую гладь.
1900

Конец осенней сказки

Сонет

Неустанно ночи длинной
Сказка черная лилась,
И багровый над долиной
Загорелся поздно глаз;

Видит: радуг паутина
Почернела, порвалась,
В малахиты только тина
Пышно так разубралась.

Видит: пар белесоватый
И ползет, и вьется ватой,
Да из черного куста

Там и сям сочатся грозди
И краснеют... точно гвозди
После снятого Христа.

Утро

Эта ночь бесконечна была,
Я не смел, я боялся уснуть:
Два мучительно-черных крыла
Тяжело мне ложились на грудь.

На призывы ж тех крыльев в ответ
Трепетал, замирая, птенец,
И не знал я, придет ли рассвет
Или это уж полный конец...

О, смелее... Кошмар позади,
Его страшное царство прошло;
Вещих птиц на груди и в груди
Отшумело до завтра крыло...

Облака еще плачут, гудя,
Но светлеет и нехотя тень,
И банальный, за сетью дождя,
Улыбнуться попробовал День.

Ванька-ключник в тюрьме

Крутась-мутась да сбились
Желты пески с волной,
Часочек мы любились,
Да с мужнею женой.

Ой, цветики садовые,
Да некому полить!
Ой, прянички медовые
Да с кем же вас делить?

А уж на что уважены:
Проси – не улечу,
У стеночки посажены,
Да не плечо к плечу.

Цепочечку позванивать
Продели у ноги,
Позванивать, подманивать:
«А ну-тка убеги!»

А мимо птицей мычется
Злодей – моя тоска...
Такая-то добытчица;
Да не найти крюка?!

Свечка гаснет

В темном пламени свечи
Зароившись, как живые,
Мигот гибнут огневые
Брызги в трепетной ночи,
Но с мольбою голубые
Долго теплятся лучи
В темном пламени свечи.

Эх, заснуть бы спозаранья,
Да страшат набегу сна,
Как безумного желанья
Тихий берег умиранья
Захлестнувшая волна.
Свечка гаснет. Ночь душна...
Эх, заснуть бы спозаранья...

Декорация

Это – лунная ночь невозможного сна,
Так уныла, желта... и больна
В облаках театральных луна,

Свет полос запыленно-зеленых
На бумажных колеблется кленах.

Это – лунная ночь невозможной мечты...
Но недвижны и странны черты:
– Это маска твоя или ты?

Вот чуть-чуть шевельнулись ресницы...
Дальше... вырваны дальше страницы.

Бессонницы

1

Бессонница ребенка

От душной копоти земли
Погасла точка огневая,
И плавно тени потекли,
Контуры странные сливая.

И знал, что спать я не могу:
Пока уста мои молились,
Те, неотвязные, в мозгу
Опять слова зашевелились.

И я лежал, а тени шли,
Наверно зная и скрывая,
Как гриб выходит из земли
И ходит стрелка часовая.

2

«Парки – бабье лепетанье»

Сонет

Я ночи знал. Мечта и труд
Их наполняли трепетаньем, –
Туда, к надлунным очертаньям,
Бывало, мысль они зовут.

Томя и нежа ожиданьем,
Они, бывало, промелькнут,
Как цепи розовых минут
Между запиской и свиданьем.

Но мая белого ночей
Давно страницы пожелтели...
Теперь я слышу у постели

Веретено – и, как ручей,
Задавлен камнями обвала,
Оно уж лепет обрывало...

3

Далеко... далеко...

Когда умирает для уха
Железа мучительный гром,
Мне тихо по коже старуха
Водить начинает пером.
Перо ее так борогато,
Так плотно засело в руке...

Не им ли я кляксу когда-то
На розовом сделал листке?
Я помню – слеза в ней блистала,
Другая ползла по лицу:
Давно под часами усталый
Стихи выводил я отцу...

Но жаркая стынет подушка,
Окно начинает белеть...
Пора и в дорогу, старушка,
Под утро душна эта клеть.
Мы тронулись... Тройка плетется,
Никак не найдет колеи,
А сердце... бубенчиком бьется
Так тихо у потной шлеи...

Лилии

1

Второй мучительный сонет

Не мастер Тира иль Багдата –
Лишь девы нежные персты
Сумели вырезать когда-то
Лилеи нежные листы, –

С тех пор в отраве аромата
Живут, таинственно слиты,
Обетованье и утрата
Неразделенной красоты,

Живут любовью без забвенья
Незаполнимые мгновенья...
И если чуткий сон аллея

Встревожит месяц серебрукий,
Всю ночь потом уста лилей
Там дышат ладаном разлуки.

2

Зимние лилии

Зимней ночи путь так долог,
Зимней ночью мне не спится:
Из углов и с книжных полок
Сквозь ее тяжелый полог
Сумрак розовый струится.

Серебристые фиалы
Опрокинув в воздух сонный,
Льют лилеи небывалый
Мне напиток благовонный, –

И из кубка их живого
В поэтической оправе
Рад я сладостной отраве
Напряженья мозгового...

В белой чаше тают звенья,
Из цепей воспоминанья,

И от яду на мгновенье
Знаньем кажется незнание.

3

Падение лилий

Уж черной Ночи бледный День
Свой факел отдал, улетаю:
Темнеет в небе хлопьев стая,
Но, веселя немую сень,
В камине вьется золотая
Змея, змеей перевитая.
Гляжу в огонь – работать лень:
Пускай по стенам, вырастая,
Дрожа, колеблясь или тая,
За тенью исчезает тень,
А сердцу снится тень иная,
И сердце плачет, вспоминая.
Сейчас последние, светлей
Златисто-розовых углей,
Падут минутные строенья:
С могил далеких и полей
И из серебряных аллей
Услышу мрака дуновенье...
В постель скорее!.. Там теплей,
А ты, волшебница, налей
Мне капель чуткого забвенья,
Чтоб ночью вянущих лилей
Мне ярче слышать со стеблей
Сухой и странный звук паденья.
3 февраля 1901

С балкона

Полюбила солнце апреля
Молодая и нежная ива.
Не прошла и Святая неделя,
Распустилась бледная ива
В жаркой ласке солнца апреля.

Но недвижны старые клены:
Их не греет солнце апреля,
Только иве дивятся зеленой,
Только шепчут под небом апреля
Обнаженные мшистые клены:

«Не на радость, о бледная ива,
Полюбила ты солнце апреля:
Безнадежно больное ревниво
И сожжет тебя солнце апреля,
Чтоб другим не досталась ты, ива».

Молот и искры

Молот жизни, на плечах мне камни дробя,
Так мучительно груб и тяжел,
А ведь, кажется, месяц еще не прошел,
Что я сказками тешил себя...
Те, скажи мне, завянуть успели ль цветы,
Что уста целовали, любя,
Или, их обогнав, улетели мечты,
Те цветы... Я не знаю: тебя
Я люблю или нет... Не горит ореол
И горит – это ты и не ты
Молот жизни мучительно, адски тяжел,
И ни искры под ним... красоты...
А ведь, кажется, месяц еще не прошел.
1901

Тоска возврата

Уже лазурь златить устала
Цветные вырезки стекла,
Уж буря светлая хорала
Под темным сводом замерла;

Немые тени вереницей
Идут чрез северный портал,
Но ангел Ночи бледнолицый
Еще кафизмы не читал...

В луче прощальном, запыленном
Своим грехом неотмоленным
Томится День пережитой,

Как серафим у Боттичелли,
Рассыпав локон золотой...
На гриф умолкшей виолончели.

Рождение и смерть поэта *Кантата*

Баян

Над Москвою старой златоглавою
Не звезда в полночи затеплилась –
Над ее садочками зелеными,
Ой зелеными садочками кудрявыми
Молодая зорька разгоралась.
Не Вольга-богатырь нарождается –
Нарождается надежда – молодой певец,
Удалая головушка кудрявая.
Да не золотая трубочка вострубила –
Молодой запел душа-соловьишка,
Пословечно соловей да выговаривал
(Тут не рыбы-то по заводям хоронятся,
Да не птицы-то уходят во поднебесье,
Во темных лесах не звери затулились),⁷
Как слышали соловьишку маленькогого,
Все-то птичущики в садочках приуслушались,
Малы детушки по зыбкам разыгрались,
Молодые-то с крылечек улыбаются,
А и старые по кельям пригорюнились.

Один голос

Рыданье струн седых развей,
О нет, Баян, не соловей,
Певец волшебнo-сладострастный,
Нас жег в безмолвии ночей
Тоскою нежной и напрасной.
И не душистую сирень
Судьба дала ему, а цепи,
Снега забытых деревень,
Неволей выжженные степи.
Но Бог любовью окрылил
Его пленительные грезы,
И в чистый жемчуг перелил
Поэт свои немые слезы.

⁷ Былинная формула.

Хор

Среди измен, среди могил
Он, улыбаясь, сыпал розы,
И в чистый жемчуг перелил
Поэт свои немые слезы.

Другой голос

О свиток печальный!
Безумные строки,
Как гость на пиру
В небрачной одежде
Читаю и плачу...
Там ночи туманной
Холодные звезды,
Там вещего сердца
Трехдневные муки,
Там в тяжком бреду
Томительный призрак
Свой черный вуаль,
Вуаль донны Анны,
К его изголовью
Склоняя, смеется...

Мужской хор

Но в поле колдунья ему
Последние цепи сварила,
И тихо в немую тюрьму
Ворота за ним затворила.

Женский хор

Творцу волшебных песнопений
Не надо ваших слез и пеней:
Над ним горит бессмертный день
В огнях лазури и кристалла,
И окровавленная тень
Там тенью розовою стала,
А здесь печальной чередою

Всё ночь над нами стелет сень,
О тень, о сладостная тень,
Стань вифлеемскою звездою,
Алмазом на ее груди —
И к дому Бога нас веди!..

Общий хор

С немого поля,
Где без ненастья,
Дрожа, повисли
Тоски туманы, —
Туда, где воля,
Туда, где счастье,
Туда, где мысли
Простор желанный!
3 апреля 1899

«Мухи как мысли»
(Памяти Апухтина)

Я устал от бессонниц и снов,
На глаза мои пряди нависли:
Я хотел бы отравой стихов
Одурманить несносные мысли.

Я хотел бы распутать узлы...
Неужели там только ошибки?
Поздней осенью мухи так злы,
Их холодные крылья так липки.

Мухи-мысли ползут, как во сне,
Вот бумагу покрыли, чернея...
О, как мертвые, гадки оне...
Разорви их, сожги их скорее.

Под зеленым абажуром

Короли, и валеты, и тройки!
Вы так ласково тешите ум:
От уверенно-зыбкой постройки
До тоскливо замедленных дум
Вы так ласково тешите ум,
Короли, и валеты, и тройки!

В вашей смене, дразнящей сердца,
В вашем быстро мелькающем крапе
Счастье дочери, имя отца,
Слово чести, поставленной на – пе,
В вашем быстро мелькающем крапе,
В вашей смене, дразнящей сердца...

Золотые сулили вы дали
За узором двойных королей,
Когда вами невестам гадали
Там, в глуши, за снегами полей,
За узором двойных королей
Золотые сулили вы дали...

А теперь из потемок на свет
Безнадежно ложася рядами,
Равнодушное *да* или *нет*
Повторять суждено вам годами,
Безнадежно ложася рядами
Из зеленых потемок на свет.

Третий мучительный сонет

Строфы

Нет, им не суждены краса и просветленье;
Я повторяю их на память в полусне,
Они – минуты праздного томленья,
Перегоревшие на медленном огне.

Но все мне дорого – туман их появленья,
Их нарастание в тревожной тишине,
Без плана, вспышками идущее сцепленье:
Мое мучение и мой восторг оне.

Кто знает, сколько раз без этого запоя,
Труда кошмарного над грудой листов,
Я духом пасть, увы! я плакать был готов,

Среди неравного изнемогая боя;
Но я люблю стихи – и чувства нет святей:
Так любит только мать и лишь больных детей.

Второй фортепьянный сонет

Над ризой белою, как уголь волоса,
Рядами стройными невольницы плясали,
Без слов кристальные сливались голоса,
И кастаньетами их пальцы потрясали...

Горели синие над ними небеса,
И осы жадные плясуний донимали,
Но слез не выжали им муки из эмали,
Неопалимою сияла их краса.

На страсти, на призыв, на трепет вдохновенья
Браслетов золотых звучали мерно звенья,
Но, непонятною не трогаясь мольбой,

Своим властителям лишь улыбались девы,
И с пляской чуткою, под чашей голубой,
Их равнодушные сливались напевы.

Параллели

1

Под грозные речи небес
Рыдают косматые волны,
А в чаше, презрения полный,
Хохочет над бурю бес.

Но утро зажжет небеса,
Волна золотится и плещет,
А в чаше холодной роса
Слезой завистливой блещет.

2

Золотя заката розы,
Клонит солнце лик усталый,
И глядятся туберозы
В позлащенные кристаллы.

Но не надо сердцу алых, –
Сердце просит роз поблеклых,
Гиацинтов небывалых,
Лилий, плачущих на стеклах.
1901

Тоска

По бледно-розовым овалам,
Туманом утра облиты,
Свились букетом небывалым
Стального колера цветы.

И мух кочующих соблазны,
Отраву в глянце затая,
Пестрят, назойливы и праздны,
Нагие грани бытия.

Но, лихорадкою томимый,
Когда неделями лежишь,
В однообразьи их таимый
Поймешь ты сладостный гашиш,

Поймешь, на глянце центифолий
Считая бережно мазки...
И строя ромбы поневоле
Между этапами Тоски.

Желание

Когда к ночи усталой рукой
Допашу я свою полосу,
Я хотел бы уйти на покой
В монастырь, но в далеком лесу,

Где бы каждому был я слуга
И творенью Господнему друг,
И чтоб сосны шумели вокруг,
А на соснах лежали снега...

А когда надо мной зазвонит
Медный зов в беспросветной ночи,
Уронить на холодный гранит
Талый воск догоревшей свечи.

Трилистники

Из тех, кто его знал, ни один уже не войдет в аллеи царскосельского парка свободным от тоски, меланхолии или хотя бы обычности воспоминания, неотступного воспоминания о поэте, чья слава смешана с горечью смерти.

Николай Пунин

Анненский могуч, но мощью не столько Мужской, сколько Человеческой. У него не чувство рождает мысль, как это вообще бывает у поэтов, а сама мысль крепнет настолько, что становится чувством, живым до боли даже. Он любит исключительно «сегодня» и исключительно «здесь», и эта любовь приводит его к преследованию не только декораций, но и декоративности. От этого его стихи мучат, они наносят душе неисцелимые раны, и против них надо бороться заклинаниями времен и пространства.

Какой тяжелый, темный бред!
Как эти выси мутно-лунны!
Касаться скрипки столько лет
И не узнать при свете струны!

Кому ж нас надо? Кто зажег
Два желтых лика, два унылых!
И вдруг почувствовал смычок,
Что кто-то взял и кто-то слил их.

«О, как давно! Сквозь эту тьму
Скажи одно: ты та ли, та ли?»
И струны ластились к нему,
Звения, но, ластясь, трепетали...

С кем не случалось этого? Кому не приходилось склоняться над своей мечтой, чувствуя, что возможность осуществить ее потеряна безвозвратно? И тот, кто, прочитав это стихотворение, забудет о вечной, девственной свежести мира, поверит, что есть только мука, пусть кажущаяся музыкой, – тот погиб, тот отравлен. Но разве не чарует мысль о гибели от такой певучей стрелы?

Николай Гумилев.

«Письма о русской поэзии»

Трилистник сумеречный

Сиреневая мгла

Наша улица снегами залегла,
По снегам бежит сиреневая мгла.

Мимоходом только глянула в окно,
И я понял, что люблю ее давно.

Я молил ее, сиреневую мглу:
«Погости-побудь со мной в моем углу,

Не мою тоску ты давнюю развей,
Поделись со мной, желанная, своей!»

Но лишь издали услышал я ответ:
«Если любишь, так и сам отыщешь след,

Где над омутом синее тонкий лёд,
Там часочек погощу я, кончив лёт,

А у печки-то никто нас не видал...
Только те мои, кто волен да удал».

Тоска мимолетности

Бесследно канул день. Желтея, на балкон
Глядит туманный диск луны, еще бестенной,
И в безнадежности распахнутых окон,
Уже незрячие, тоскливо-белы стены.

Сейчас наступит ночь. Так чёрны облака...
Мне жаль последнего вечернего мгновенья:
Там всё, что прожито, – желанье и тоска,
Там всё, что близится, – унылость и забвеньё.

Здесь вечер как мечта: и робок, и летуч,
Но сердцу, где ни струн, ни слез, ни ароматов,
И где разорвано и слито столько туч...

Он как-то ближе розовых закатов,

Лето 1904

Ялта

Свечку внесли

Не мерещится ль вам иногда,
Когда сумерки ходят по дому,
Тут же возле иная среда,
Где живем мы совсем по-другому?

С тенью тень там так мягко слилась,
Там бывает такая минута,
Что лучами незримыми глаз
Мы уходим друг в друга как будто.

И движеньем спугнуть этот миг
Мы боимся иль словом нарушить,
Точно ухом кто возле притник,
Заставляя далекое слушать.

Но едва запылает свеча,
Чуткий мир уступает без боя,
Лишь из глаз по наклонам луча
Тени в пламя сбегут голубое.
1904

Трилистник соблазна

Маки

Веселый день горит... Среди сомлевших трав
Все маки пятнами – как жадное бессилье,
Как губы, полные соблазна и отрав,
Как алых бабочек развернутые крылья.

Веселый день горит... Но сад и пуст и глух.
Давно покончил он с соблазнами и пиром, –
И маки сохлые, как головы старух,
Осенены с небес сияющим потиром.

Смычок и струны

Какой тяжелый, темный бред!
Как эти выси мутно-лунны!
Касаться скрипки столько лет
И не узнать при свете струны?

Кому ж нас надо? Кто зажег
Два желтых лика, два унылых...
И вдруг почувствовал смычок,
Что кто-то взял и кто-то слил их.

«О, как давно! Сквозь эту тьму
Скажи одно: ты та ли, та ли?»
И струны ластились к нему,
Звения, но, ластьясь, трепетали.

«Не правда ль, больше никогда
Мы не расстанемся? довольно?...»
И скрипка отвечала «да»;
Но сердцу скрипки было больно.

Смычок всё понял, он затих,
А в скрипке эхо всё держалось...
И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось.

Но человек не погасил
До утра свеч... И струны пели...
Лишь солнце их нашло без сил

На черном бархате постели.

В марте

Позабудь соловья на душистых цветах,
Только *утро* любви не забудь!
Да ожившей земли в неживших листьях
Ярко-черную грудь!

Меж лохмотьев рубашки своей снеговой
Только раз и желала она –
Только раз напоил ее март огневой,
Да пьянее вина!

Только раз оторвать от разбухшей земли
Не могли мы завистливых глаз,
Только раз мы холодные руки сплели
И, дрожа, поскорее из сада ушли...
Только раз... в этот раз...

Трилистник сентиментальный

Одуванчики

Захлопоталась девочка
В зеленом кушаке,
Два желтые обсевочка
Сажая на песке.

Не держатся и на – поди:
Песок ли им не рад?..
А солнце уж на западе,
И золотится сад.

За ручкой ручку белую
Малютка отряхнет:
«Чуть ямочку проделаю,
Ее и заметет...

Противные, упрямые!»
– Молчи, малютка дочь,
Коль неприятны ямы им,
Мы стебельки им прочь.

Вот видишь ли: все к лучшему, –
Дитя, развеселись,
По холмику зыбучему
Две звездочки зажглись.

Мохнатые, шафранные
Звездинки из цветов...
Ну вот, моя желанная,
И садик твой готов.

Отпрыгаются ноженьки,
Весь высыплется смех,
А ночь придет – у Боженьки
Постельки есть для всех...

Заснешь ты, ангел-девочка,
В пуху, на локотке...
А желтых два обсевочка
Распластаны в песке.

26 июня 1909

Кюоккала

Старая шарманка

Небо нас совсем свело с ума:
То огнем, то снегом нас слепило,
И, ощерясь, зверем отступила
За апрель упрямая зима.

Чуть на миг сомлеет в забытии –
Уж опять на брови шлем надвинут,
И под наст ушедшие ручьи,
Не допев, умолкнут и застынут.

Но забыто прошлое давно,
Шумен сад, а камень бел и гулок,
И глядит раскрытое окно,
Как трава одела закоулок.

Лишь шарманку старую знобит,
И она в закатном мленьи мая
Все никак не смеет злых обид,
Цепкий вал кружа и нажимая.

И никак, цепляясь, не поймет
Этот вал, что ни к чему работа,
Что обида старости растет
На шипах от муки поворота.

Но когда б и понял старый вал,
Что такая им с шарманкой участь,
Разве б петь, кружась, он перестал
Оттого, что петь нельзя, не мучась?..

Вербная неделя

В. П. Хмара-Барцевскому

В желтый сумрак мертвого апреля,
Попрощавшись с звездною пустыней,

Уплывала Вербная неделя
На последней, на погиблой снежной льдине;

Уплывала в дымах благовонных,
В замираньи звонов похоронных,
От икон с глубокими глазами

И от Лазарей, забытых в черной яме.

Стал высоко белый месяц на ущербе,
И за всех, чья жизнь невозвратима,
Плыли жаркие слезы по вербе
На румяные щеки херувима.

14 апреля 1907

Царское Село

Трилистник осенний

Ты опять со мной

Ты опять со мной, подруга-осень,
Но сквозь сеть нагих твоих ветвей
Никогда бледней не стыла просинь,
И снегов не помню я мертвей.

Я твоих печальнее отребий
И черней твоих не видел вод,
На твоём линияло-ветхом небе
Желтых туч томит меня развод.

До конца всё видеть, цепенея...
О, как этот воздух странно нов...
Знаешь что... я думал, что большее
Увидать пустыми тайны слов...

Август

Еще горят лучи под сводами дорог,
Но там, между ветвей, все глуше и немее:

Так улыбается бледнеющий игрок,
Ударов жребия считать уже не смея.

Уж день за сторами. С туманом по земле
Влекутся медленно унылые призывы...
А с ним все душный пир, дробится в хрустале
Еще вчерашний блеск, и только астры живы...

Иль это – шествие белеет сквозь листы?
И там огни дрожат под матовой короной,
Дрожат и говорят: «А ты? Когда же ты?» –
На медном языке истомы похоронной...

Игру ли кончили, гробница ль уплыла,
Но проясняются на сердце впечатленья;
О, как я понял вас: и вкрадчивость тепла,
И роскошь цветников, где проступает тленье...

То было на валлен-коски

То было на Валлен-Коски.
Шел дождик из дымных туч,
И желтые мокрые доски
Сбегали с печальных круч.

Мы с ночи холодной зевали,
И слезы просились из глаз;
В утеху нам куклу бросали
В то утро в четвертый раз.

Разбухшая кукла ныряла
Послушно в седой водопад,
И долго кружилась сначала,
Все будто рвалась назад.

Но даром лизала пена
Суставы прижатых рук –
Спасенье ее неизменно
Для новых и новых мук.

Гляди, уж поток бурливый
Желтеет, покорен и вял;
Чухонец-то был справедливый,
За дело полтину взял.

И вот уж кукла на камне,
И дальше идет река...
Комедия эта была мне
В то серое утро тяжка.

Бывает такое небо,
Такая игра лучей,
Что сердцу обида куклы
Обиды своей жалчей.

Как листья, тогда мы чутки:
Нам камень седой, ожив,
Стал другом, а голос друга,
Как детская скрипка, фальшив.

И в сердце сознание глубоко,
Что с ним родился только страх,
Что в мире оно одиноко,
Как старая кукла в волнах...

Трилистник лунный

Зимнее небо

Талый снег налетал и слетал,
Разгораясь, румянились щеки,
Я не думал, что месяц так мал
И что тучи так дымно-далеки...

Я уйду, ни о чем не спросив,
Потому что мой вынулся жребий,
Я не думал, что месяц красив,
Так красив и тревожен на небе.

Скоро полночь. Никто и ничей,
Утомлен самым призраком жизни,
Я люблюсь на дымы лучей
Там, в моей обманувшей отчизне.

Лунная ночь в исходе зимы

Мы на полустанке,
Мы забыты ночью,
Тихой лунной ночью,
На лесной полянке...
Бред – или воочью
Мы на полустанке
И забыты ночью?
Далеко зашел ты,
Паровик усталый!
Доски бледно-желты,
Серебристо-желты,
И налип на шпалы
Иней мертво-талый.
Уж туда ль зашел ты,
Паровик усталый?
Тишь-то в лунном свете,
Или только греза
Эти тени, эти
Вздохи паровоза
И, осеребренный
Месяцем жемчужным,
Этот длинный, черный
Сторож станционный

С фонарем ненужным
На тени узорной?
Динь-динь-динь – и мимо,
Мимо грезы этой,
Так невозвратно,
Так непоправимо
До конца не спетой
И звенящей где-то
Еле ощутимо.
27 марта 1906
Почтовый тракт Вологда – Тотьма

Traumerei⁸

Сливались ли это тени,
Только тени в лунной ночи мая?
Это блики или цветы сирени
Там белели, на колени
Ниспадая?
Наяву ль и тебя ль безумно
И бездумно
Я любил в томных тенях мая?
Припадая к цветам сирени
Лунной ночью, лунной ночью мая,
Я твои ль целовал колени,
Разжимая их и сжимая,
В томных тенях, в томных тенях мая?
Или сад был одно мечтанье
Лунной ночи, лунной ночи мая?
Или сам я лишь тень немая?
Иль и ты лишь мое страданье,
Дорогая,
Оттого, что нам нет свиданья
Лунной ночью, лунной ночью мая...
Ночь с 16 на 17 мая 1906 (?)
Вологодский поезд

⁸ Мечтанье, грезы (нем.).

Трилистник обреченности

Будильник

Обручена рассвету
Печаль ее рулад...
Как я игрушку эту
Не слушать был бы рад...

Пусть завтра будет та же
Она, что и вчера...
Сперва хоть громче, глаже
Идет ее игра.

Но вот, уж не читая
Давно постылых нот,
Гребенка золотая
Звенит, а не поет...

Цепляясь за гвоздочки,
Весь из бессвязных фраз,
Напрасно ищет точки
Томительный рассказ,

О чьем-то недоборе
Косноязычный бред...
Докучный лепет горя
Ненаступивших лет,

Где нет ни слез разлуки,
Ни стылости небес,
Где сердце – счетчик муки,
Машинка для чудес...

И скучно разминая
Пружину полчаса,
Где прячется смешная
И лишняя Краса.

Стальная цикада

Я знал, что она вернется
И будет со мной – Тоска.
Звякнет и запахнется

С дверью часовщика...

Сердца стального трепет
Со стрекотаньем крыл
Сцепит и вновь расцепит
Тот, кто ей дверь открыл...

Жадным крылом цикады
Нетерпеливо быют:
Счастью ль, что близко, рады,
Муки ль конец зовут?..

Столько сказать им надо,
Так далеко уйти...
Розно, увы! цикада,
Наши лежат пути.

Здесь мы с тобой лишь чудо,
Жить нам с тобою теперь
Только минуту – покуда
Не распахнулась дверь...

Звякнет и запахнется,
И будешь ты так далека...
Молча сейчас вернется
И будет со мной – Тоска.

Черный силуэт *Сонет*

Пока в тоске растущего испуга
Томиться нам, живя, еще дано,
Но уж сердцам обманывать друг друга
И лгать себе, хладея, суждено;

Пока прильнув сквозь мерзлое окно,
Нас сторожит ночами тень недуга,
И лишь концы мучительного круга
Не сведены в последнее звено, –

Хочу ль понять, тоскою пожираем,
Тот мир, тот миг с его миражным раем...
Уж мига нет – лишь мертвый брезжит свет...

А сад заглох... и дверь туда забита...
И снег идет... и черный силуэт
Заолодел на зеркале гранита.

Трилистник огненный

Аметисты

Когда, сжигая синеву,
Багряный день растет, неистов,
Как часто сумрак я зову,
Холодный сумрак аметистов.

И чтоб не знойные лучи
Сжигали грани аметиста,
А лишь мерцание свечи
Лилось там жидко и огнисто.

И, лиловея и дробясь,
Чтоб уверяло там сиянье,
Что где-то есть не наша *связь*,
А лучезарное *слиянье*...

Сизый закат

Близился сизый закат.
Воздух был нежен и хмелен,
И отуманенный сад
Как-то особенно зелен.

И, о Незримой твердя,
В тучах таимой печали,
В воздухе, полном дождя,
Трубы так мягко звучали.

Вдруг – точно яркий призыв,
Даль чем-то резко разъялась:
Мягкие тучи пробив,
Медное солнце смеялось.

Январская сказка

Светилась колдуньяина маска,
Постукивал мерно костыль...
Моя новогодняя сказка,
Последняя сказка, не ты ль?

О счастье уста не молили,
Тенью был полон покой,
И чаши открывшихся лилий
Дышали нездешней тоской.

И, взоры померкшие нежа,
С тоской говорили цветы:
«Мы те же, что были, всё те же,
Мы будем, мы вечны... а ты?»

Молчите... Иль грезить не лучше,
Когда чуть дымится уголь?..
Январское солнце не жгуче,
Так пылки его хрустали...

Трилистник кошмарный

Кошмары

«Вы ждете? Вы в волненьи? Это бред.
Вы отворять ему идете? Нет!
Поймите: к вам стучится сумасшедший,
Бог знает где и с кем всю ночь прошедший,
Оборванный, и речь его дика,
И камешков полна его рука.
Того гляди – другую опростает,
Вас листьями сухими закидает,
Иль целовать задумает, и слез
Останутся следы в смятеньи кос,
Коли от губ удастся скрыть лицо вам,
Смущенным и мучительно пунцовым.

.....

Послушайте!.. Я только вас пугал:
Тот далеко, он умер... Я солгал.
И жалобы, и шепоты, и стуки –
Все это „шелест крови“, голос муки...
Которую мы терпим, я ли, вы ли...
Иль вихри в плен попались и завывли?
Да нет же! Вы спокойны... Лишь у губ
Змеится что-то бледное... Я глуп...
Свиданье здесь назначено другому...
Все понял я теперь: испуг, истому
И влажный блеск таимых вами глаз».
Стучат? Идут? Она приподнялась.
Гляжу – фитиль у фонаря спустила,
Он розовый... Вот косы отпустила.
Взвились и пали косы... Вот ко мне
Идет... И мы в огне, в одном огне...
Вот руки обвились и увлекают,
А волосы и колют, и ласкают...
Так вот он, ум мужчины, тот гордец,
Не стоящий ни трепетных сердец,
Ни влажного и розового зноя!

.....

И вдруг я весь стал существо иное...
Постель... Свеча горит. На грустный тон
Лепечет дождь... Я спал и видел сон.

Киевские пещеры

Тают зеленые свечи,
Тускло мерцает кадило,
Что-то по самые плечи
В землю сейчас уходило,

Чьи-то беззвучно уста
Молят дыханья у плит,
Кто-то, нагнувшись, «с креста»
Желтой водой их поит...

«Скоро ль?» – Терпение, скоро...
Звоном наполнились уши,
А чернота коридора
Все безответней и глуше...

Нет, не хочу, не хочу!
Как! Ни людей, ни пути?
Гасит дыханье свечу?
Тише... Ты должен ползти...

То и это

Ночь не тает. Ночь как камень.
Плача, тает только лед,
И струит по телу пламень
Свой причудливый полет.

Но лопочут даром, тая,
Ледышки на голове:
Не запомнить им, считая,
Что подушек только две.

И что надо лечь в угарный,
В голубой туман костра,
Если тошен луч фонарный
На скользоте топора.

Но отрадной до рассвета
Сердце дремой залито,
Всё простит им... если это
Только *Это*, а не *То*.

Трилистник проклятия

Ямбы

О, как я чувствую накопленное бремя
Отравленных ночей и грязно-бледных дней!
Вы, карты, есть ли что в одно и то же время
Приманчивее вас, пошлее и страшней!

Вы страшны нежностью похмелья, и науке,
Любви, поэзии – всему вас предпочтут.
Какие подлые не пожимал я руки,
Не соглашался с чем?.. Скорей! Колоды ждут...

Зеленое сукно – цвет малахитов тины,
Весь в пепле туз червей на сломанном мелке...
Подумай: жертву накануне гильотины
Дурманят картами и в каменном мешке.

Кулачишка

Цвести средь немолчного ада
То грузных, то гулких шагов,
И стонущих блоков, и чада,
И стука бильярдных шаров.

Любиться, пока полосую
Кровавой не вспыхнул восток,
Часочек, покуда с косою
Не сладился белый платок.

Скормить Помыканьям и Злобам
И сердце, и силы дотла –
Чтоб дочь за газетовым гробом,
Горбатая, с зонтиком шла.
Ночь с 21 на 22 мая 1906
Грязовец

О нет, не стан

О нет, не стан, пусть он так нежно-зыбок,
Я из твоих соблазнов затаю,

Не влажный блеск малиновых улыбок, –
Страдания холодную змею.

Так иногда в банально-пестрой зале,
Где вальс звенит, волнуя и моля,
Зову мечтой я звуки Парсифаля,
И Тень, и Смерть над маской короля...

.....

Оставь меня. Мне ложе стелет Скука.
Зачем мне рай, которым грезят все?
А если грязь и низость – только мука
По где-то там сияющей красе...

19 мая 1906

Вологда

Из коллекции книжника

И. Ф. Анненский был директором Николаевской гимназии в Царском Селе, где учился Н. С. Гумилев. Четверостишие Анненского, написанное им на «Книге отражений» (СПб., 1906), свидетельствует о живой связи поэтических поколений (подпись Ник. Т-о – псевдоним Анненского). Увидеть в расцвете талант Гумилева Анненскому не удалось, но первые успехи поэта были им отмечены в рецензии на сборник «Романтические цветы» (Париж, 1908): «Темно-зеленая, чуть тронутая позолотой книжка, скорей даже тетрадка Н. Гумилева прочитывается быстро. Вы выпиваете ее, как глоток зеленого шартреза. Остается ощущение чего-то сладкого,пряного, даже экзотического: обжигает, но чуть-чуть... Сам Н. Гумилев чутко следит за ритмом своих впечатлений, а лиризм умеет уже подчинять замыслу. И это хорошо...»

Смерть И. Ф. Анненского в 1909 году оборвала наметившееся сближение поэтов... Гумилев написал стихотворение «Памяти Анненского» – оно открывает сборник «Колчан»:

...Был Иннокентий Анненский последним
Из царскосельских лебедей.

Анатолий Марков

Трилистник победный

В волшебную призму

Хрусталь мой волшебен трикраты.
Под первым устоем ребра –
Там руки с мученьем разжаты,
Раскидано пламя костра.

Но вновь не увидишь костер ты,
Едва передвинешь устой –
Там бледные руки простерты
И мрак обнимают пустой.

Нажмешь ли устой ты последний –
Ни сжатых, ни рознятых рук,
Но радуги нету победней,
Чем радуга конченных мук!..

Трое

Ее факел был огнен и ал,
Он был талый и сумрачный снег:
Он глядел на нее и сгорал,
И сгорал от непознанных нег.

Лоно смерти открылось черно —
Он не слышал призыва: «Живи»,
И осталось в эфире одно
Безнадежное пламя любви.

Да на ложе глубокого рва,
Пенной ризой покрыта до пят,
Одинокая грезит вдова –
И холодные воды кипят...

Пробуждение

Кончилась яркая чара,
Сердце очнулось пустым:
В сердце, как после пожара,
Ходит удушливый дым.

Кончилась? Жалкое слово,
Жалкого слова не трусь:
Скоро в остатках бывшего
Я и сквозь дым разберусь.

Что не хотело обмана –
Всё остается за мной...
Солнце за гарью тумана
Желто, как вставший больной.

Жребий, о сердце, твой понят –
Старого пепла не тронь...
Больше проклятый огонь
Стен твоих черных не тронет!

Трилистник траурный

Перед панихидой *Сонет*

Два дня здесь шепчут: прям и нем,
Все тот же гость в дому,
И вянут космы хризантем
В удушливом дыму.

Гляжу и мыслю: мир ему,
Но нам-то, нам-то всем,
Иль люк в ту смрадную тюрьму
Захлопнулся совсем?

«Ах! Что мертвец! Но дочь, вдова...»
Слова, слова, слова.
Лишь Ужас в белых зеркалах

Здесь молит и поет,
И с поясным поклоном Страх
Нам свечи раздает.

Баллада

Н. С. Гумилеву

День был ранний и молочно-парный,
Скоро в путь, поклажу прикрутили...
На шоссе перед запряжкой парной
Фонари, мигая, закоптили.

Позади лишь вымершая дача...
Желтая и скользкая... С балкона
Холст повис, ненужный там... но спешно,
Оборвав, сломали георгины.

«Во блаженном...» И качнулись клячи:
Маскарад печалей их измаял...
Желтый пес у разоренной дачи
Бил хвостом по ельнику и лаял...

Но сейчас же, вытянувши лапы,
На песке разлегся, как в постели...

Только мы как сняли в страхе шляпы –
Так надеть их больше и не смели.

...Будь ты проклята, левкоем и фенолом
Равнодушно дышащая Дама!
Захочу – так сам тобой я буду...
«Захоти, попробуй!» – шепчет Дама.

Посылка

Вам я шлю стихи мои, когда-то
Их вдали игравшие солдаты!
Только ваши, без четверостиший,
Пели трубы горестней и тише...
31 мая 1909

Светлый нимб *Сонет*

Зыбким прахом закатных полос
Были свечи давно облиты,
А куренье, вясь, все лилось,
Всё, бледнея, сжимались цветы.

И так были безумны мечты
В чадном море молений и слез,
На развившемся нимбе волос
И в дыму ее черной фаты,

Что в ответ замерцал огонек
В аметистах тяжелых серег.
Синий сон благовонных кадил

Разошелся тогда ж без следа...
Отчего ж я фату навсегда,
Светлый нимб навсегда полюбил?

Трилистник тоски

Тоска отшумевшей грозы

Сердце ль не томилося
Желанием грозы,
Сквозь вспышки бело-алые?
А теперь влюбилось
В бездонность бирюзы,
В ее глаза усталые.

Всё, что есть лазурного,
Излилось в лучах
На зыби златошвейные,
Всё, что там безбурного
И с ласкою в очах, —
В сады зеленовейные.

В стекла бирюзовые
Одна глядит гроза
Из чуждой ей обители...
Больше не суровые,
Печальные глаза,
Любили ль вы, простите ли?..

Тоска припоминания

Мне всегда открывается та же
Залитая чернилом страница
Я уйду от людей, но куда же,
От ночей мне куда схорониться?

Все живые так стали далеки,
Всё небытное стало так внятно,
И слились позабытые строки
До зари в мутно-черные пятна.

Весь я там в невозможном ответе,
Где миражные буквы маячат...
...Я люблю, когда в доме есть дети
И когда по ночам они плачут.

Тоска белого камня

Камни млеют в истоме,
Люди залиты светом,
Есть ли города летом
Вид постыло-знакомей?

В трафарете готовом
Он – узор на посуде...
И не все ли равно вам:
Камни там или люди?

Сбита в белые камни
Нищетой бледнолицей,
Эта одурь была мне
Колыбелью-темницей.

Коль она не мелькает
Безотрадно и чадно,
Так, давя вас, смыкает,
И уходишь так жадно

В лиловатость отсветов
С высей бледно-безбрежных
На две цепи букетов
Возле плит белоснежных.

Так, устав от узора,
Я мечтой замираю
В белом глянце фарфора
С ободочком по краю.

1904

Симферополь

Трилистник дождевой

Дождик

Вот сизый чехол и распорот, –
Не все ж ему празднo висеть,
И с лязгом асфальтовый город
Хлестнула холодная сеть...

Хлестнула и стала мотаться...
Сама серебристо-светла,
Как масло в руке святотатца,
Глазеты вокруг залила.

И в миг, что с лазурью любилося,
Стыдливых молчаний полно, –
Всё темною пеной забилося
И нагло стучится в окно.

В песочной зароется яме,
По трубам бежит и бурлит,
То жалкими брызнет слезами,
То радугой парной горит.

О нет! Без твоих превращений,
В одно что-нибудь застывай!
Не хочешь ли дремой осенней
Окутать кокетливо май?

Иль сделаться Мною, быть может,
Одним из упрямых калек,
И всех уверять, что не дожит
И первый Овидиев век:

Из сердца за Иматру лет
Ничто, мол, у нас не уходит –
И в мокром асфальте поэт
Захочет, так счастье находит.
29 июня 1909
Царское Село

Октябрьский миф

Мне тоскливо. Мне невмочь.

Я шаги слепого слышу:
Надо мною он всю ночь
Оступается о крышу.

И мои ль, не знаю, жгут
Сердце слезы, или это
Те, которые бегут
У слепого без ответа,

Что бегут из мутных глаз
По щекам его поблеклым,
И в глухой полночный час
Растекаются по стеклам.

Романс без музыки

В непроглядную осень туманны огни
И холодные брызги летят,
В непроглядную осень туманны огни,
Только след от колес золотят,

В непроглядную осень туманны огни,
Но туманней отравленный чад,
В непроглядную осень мы вместе, одни,
Но сердца наши, сжавшись, молчат...
Ты от губ моих кубок возьмешь непочат,
Потому что туманны огни...

Трилистник призрачный

Nox Vitae⁹

Отраднa тeнь, пoкa кpушин
Вливaет кpoвь в хлopоз жaсминa...
Ho... вeтep... клeны... шум вepшин
C упpeкoм дaвнeгo пoминa...

Ho... в блeклo-пpизpaчнoй лунe
Вoздyшнo-чepный стaн paстeний
И вы, нa мpaчнoй бeлизнe
Вeтвeй тoскyющe тeни!

Как стрaннo слиты сaд и твepдь
Свoим бeзмoлвиeм сyрoвым,
Как нoчь нaпoминaет смepть
Вceм, дaжe выцвeтшим пoкpoвoм.

А вce вeдь тoлькo чтo сeйчac
Лaзyрнo былo здeсь, чтo нyжды?
O тeни, я нe знaю вaс,
Вы тaк глyбoкo сeрдцy чyжды.

Heжтo ж тoчнo, Бoжe мoй,
Я здeсь любил, я здeсь был мoлoд,
И дaльшe нeкyдa?... Дoмoй
Пpишeл я вэтoт лyнный xoлoд?

Квадратные окошки

O, дaли лyннo-тaлыe,
O, тeмнo-снeжный пyть,
Бoлит дyшa yстaлaя
И нe дaeт зaснyть.

Зa чaxлыми гopoшкaми,
Зa мepтвoй рeзeдoй
Квaдpaтными oкoшкaми
Бeсeдyю c лyнoй.

Смирeннo дyмa-стpaнницa

⁹ Ночь жизни (лат.).

Сложила два крыла,
Но не мольбой туманится
Покой ее чела.

«Ты помнишь тихвейные
Те вешние утра,
И как ее кисейная
Тонка была чадра.

Ты помнишь сребролистую
Из мальвовых полос,
Как ты чадру душистую
Не смел ей снять с волос?

И как, тоской измученный,
Так и не знал потом –
Узлом ли были скручены
Они или жгутом?»

– «Молчи, воспоминание,
О грудь моя, не ной!
Она была желаннее
Мне тайной и луной.

За чару ж сребролистую
Тюльпанов на фате
Я сто обеден выстою,
Я изнурюсь в постеле!»

– «А знаешь ли, что тут она?»
– «Возможно ль, столько лет?»
– «Гляди – фатой окутана...
Узнал ты узкий след?

Так страстно не разгадана,
В чадре живой, как дым,
Она на волнах ладана
Над куколем твоим».

– «Она... да только с рожками
С трясущей бородой –
За чахлыми горошками,
За мертвой резедой...»

Мучительный сонет

Едва пчелиное гуденье замолчало,

Уж ноющий комар приблизился, звеня...
Каких обманов ты, о сердце, не прощало
Тревожной пустоте оконченного дня?

Мне нужен талый снег под желтизной огня,
Сквозь потное стекло светящего устало,
И чтобы прядь волос так близко от меня,
Так близко от меня, развившись, трепетала.

Мне надо дымных туч с померкшей высоты,
Круженья дымных туч, в которых нет былого,
Полузакрытых глаз и музыки мечты,

И музыки мечты, еще не знавшей слова...
О, дай мне только миг, но в жизни, не во сне,
Чтоб мог я стать огнем или сгореть в огне!

Трилистник ледяной

Ледяная тюрьма

Пятно жерла стеною огибая,
Минутно лед туманный позлащен...
Мечта весны, когда-то голубая,
Твоей тюрьмой горящей я смущен.

Истомлена сверканием напрасным,
И плачешь ты, и рвешься трепеща,
Но для чудес в дыму полудня красном
У солнца нет победного луча.

Ты помнишь лик светила, но иного,
В тебя не те гляделися цветы,
И твой конец на сердце у больного,
Коль под землей не задохнешься ты.

Но не желай свидетелям безмолвным
До чар весны сберечь свой синий плен...
Ты не мечта, ты будешь только тлен
Раскованным и громозвучным волнам.

Снег

Полюбил бы я зиму,
Да обуза тяжка...
От нее даже дыму
Не уйти в облака.

Эта резанность линий,
Этот грузный полет,
Этот нищенски синий
И заплаканный лед!

Но люблю ослабелый
От заоблачных нег –
То сверкающе белый,
То сиреневый снег...

И особенно талый,
Когда, выси открыв,
Он ложится усталый

На скользящий обрыв.

Точно стада в тумане
Непорочные сны –
На томительной грани
Всесожженья весны.

Дочь Иаира

Слабы травы, белы плиты,
И звонит победно медь:
«Голубые льды разбиты,
И они должны сгореть!»

Точно кружит солнце, зимний
Долгий плен свой позабыв;
Только мне в пасхальном гимне
Смерти слышится призыв.

Ведь под снегом сердце билось,
Там тянулась жизни нить:
Ту алмазную застылость
Надо было разбудить...

Для чего ж с контуров нежной,
Непорочной красоты
Грубо сорван саван снежный,
Жечь зачем ее цветы?

Для чего так сине пламя,
Раскаленность так бела,
И, гудя, с колоколами
Слили звон колокола?

Тот, грехи подъявший мира,
Осушавший реки слез,
Так ли дочь Иаира
Поднял некогда Христос?

Не мигнул фитиль горящий,
Не зазыбил ветер ткань...
Подошел Спаситель к спящей
И сказал ей тихо: «Встань».

Трилистник вагонный

Тоска вокзала

О канун вечных будней,
Скуки липкое жало...
В пыльном зное полудней
Гул и краска вокзала...

Полумертвые мухи
На забитом киоске,
На пролитой известке
Слепы, жадны и глухи.

Флаг линяло-зеленый,
Пара белые взрывы,
И трубы отдаленной
Без отзыва призывы.

И эмблема разлуки
В обманувшем свидании –
Кондуктор однорукий

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.